

**К вопросу о трудностях развития
нефтяной промышленности на Северном Кавказе
в начале – 70-х гг. XIX столетия**

Развитие общероссийской экономической системы неизбежно захватывало в свою орбиту и Кавказ. После завершения активной фазы военного противостояния в регионе экономика становилась основой преобразовательной силы, направлявшей свою энергию против традиционалистского неприятия российского преобразовательного проекта.

Экономика была той сферой, через которую наиболее эффективно в региональную среду могли внедряться элементы новых жизненных устоев, и одновременно формировалась социальная среда, способная не только понимать, но и принимать условия нового социально-политического и социально-культурного существования.

Сама по себе экономическая жизнь, основанная на исконно российских традициях, порождала смысл хозяйственной деятельности, в основе которой лежали погоня за прибылью и стремление к росту материального благосостояния.

Насыщая кавказские социумы этой новой парадигмой предпочтительной жизнедеятельности, российские власти могли быть уверенными в том, что в будущем они смогут избегать повторения недавно пройденного противостояния, а сами социумы станут функционировать не только в унисон с центром, но перейдут в иную стадию своего развития – путем экономической модернизации обеспечат свои собственные нужды и выступят частью общей экономической системы империи.

В этой связи необходимо было найти те сферы хозяйствования, которые наискорейшим образом смогли бы включить энергию созидательного существования и определения желанных перспектив в Кавказском крае.

Одной из таких перспективных на Северном Кавказе становилась нефтедобывающая отрасль. В начале XIX в. нефть добывали в предгорьях Терека, где очень скоро выделились два района: нефтяные колодцы в окрестностях селения Брагуны и крепости Грозной. Наполненные сырой «черной» нефтью бочки отправляли в Моздок или Наурскую на переработку. Именно в Моздоке в 1823 г. крепостной графини Паниной Василий Дубинин разработал способ получения из нефти керосина, который стали называть «белой нефтью» [1: 90-91].

В 1844 г. братья Дубинины обратились к кавказскому начальству с просьбой помочь им с внедрением их технического новшества, ука-

зывая на те плюсы, которые получила бы казна от этой технологии [2].

В своем прошении Дубинины обращали внимание на то, что полученный результат они не держали «в тайне для одной собственной выгоды, но, споспешествуя общей пользе, немедленно открыли всем зрителям в г. Моздоке, от которого недалеко источники находятся, бескорыстно приучили к тому и других промышленников, о чем свидетельствуют тамошнее полицейское начальство и знатнейшие граждане» [2].

Далее изобретатели поясняли, что «эта первая открытая нами польза очищения нефти, произвела другую, то есть увеличила последователей как русских, так особенно возбудила к тем же трудам и многих армян, а от размножения промышленности этой сделалось понижение цены на нефть противу прежних времен почти вчетверо, именно: назад тому несколько лет пуд нефти продавался в Москве до 100 руб. ассигнациями, ныне же поставляется туда только за 9 руб. серебром и менее; при том требование на нефть кавказскую с каждым годом начало увеличиваться. Поэтому привоз ее из Персии сократился; и если еще ныне вовсе не уничтожился, то в скором времени можно ожидать совершенно прекращения вывоза из-за границы белой нефти» [2].

Герасим и Макар Дубинины просили начальство поддержать их в столь полезном начинании. Они писали, что «правительство, желая распространить внутреннюю торговлю, сколько можно сильнее, и, открыв законами для всех ремесел и промыслов свободу и свое покровительство, вместе с тем желает заменить иностранные произведения собственными, российскими изобильно находящимися внутри империи, но по обширности ее, а особенно в отдаленных краях, много требующих предприимчивых промышленных людей, знания и трудов. В поощрение ревности к таким полезным предприятиям правительство оказывает пособие денежными ссудами и другими средствами. Мы осмеливаемся объяснить высшему начальству, что желали бы распространить нефтяную промышленность и торговлю здесь и в России более, но не имеем к тому достаточного капитала. А потому всепокорнейшее и просим, в награду двадцатилетних трудов наших и споспешествования к развитию внутренней российской промышленности нефтяной торговли, дозволить отпуск нам с казенных источников, находящихся близ крепости Грозной в течение 5 лет черной нефти по 60 бочек каждый год безденежно с дозволением нам свободно вывозить повсеместно на Кавказе и в России, и производить продажу по вольной цене как выделенную белую, так и остатки от выварки ее – черную.

Если же невозможно сделать отпуска нефти нам безденежно, то выдать нам из казны в ссуду денежное пособие суммою 7 тыс. руб. сере-

бром. С таковою помощью мы надеемся оказать ожиданию правительства более успеха в распространении в кавказском крае промышленности как нефтяной, так и других заведений: ибо нам по давнему здесь проживанию известны теперь все средства» [2].

Только такие подвижники и предприимчивые люди превращали Северный Кавказ в экономически состоятельную окраину страны. От правительства только требовалась поддержка таких энтузиастов, которые трудились не только для себя, но и для общего блага.

За сделанное открытие, принесенную пользу и в целях поощрения самих энтузиастов и других возможных последователей, по ходатайству графа М.С. Воронцова, император в 1847 г. наградил «торгующего в Ставропольской губернии помещицкого крестьянина Василия Дубинина за введение на Кавказе улучшенного способа очищения черной нефти серебряной медалью для ношения в петлице на владимирской ленте с надписью «За полезное» [1: 92].

Керосин, произведенный на Кавказе, вывозили на продажу далеко за пределы региона – в Москву и на Нижегородскую ярмарку. Для производства данного продукта использовалась дубининская технология перегонки нефти или заимствованная в соседнем Дагестане.

В 1855 г., с целью привлечения частного капитала в нефтяной промысел, грозненские колодцы были переданы на откуп купцу Спиридону Чекалову, и он увеличил добычу до 15 тыс. пудов [1: 92]. Чекалов арендовал источники до 1860 г. и платил от 7000 до 12000 рублей. На откупе находились и 32 колодца в Терекемейском участке Дербентского уезда. За них казна до 1850 г. получала 302 руб. серебром в год [1: 92].

Постепенно откупная система стала тормозить развитие нефтяного промысла. Предприниматели, занимающиеся нефтедобычей, не вкладывали в неё большие суммы, опасаясь, что смогут продлить аренду. Если они и покупали новые территории, то делали это не столько для разработки месторождения, сколько для устранения конкурентов, стремясь сохранить монополию на данный род деятельности [3: 84].

В пореформенный период, когда регион вошёл в единую экономическую систему страны, значительные изменения произошли и в нефтедобывающей, и нефтеперерабатывающей сфере. Эти преобразования осуществлялись по инициативе Главного управления наместника Кавказского, которое ходатайствовало о передаче казенных нефтяных источников частным владельцам. Администраторы приводили аргументированные доводы против существовавшей системы откупа, которая тормозила развитие отрасли [5].

Проект «Об упразднении существующих на Кавказе и за Кавказом

откупного содержания казенных нефтяных источников и об отдаче оных в частные руки» рассматривал Кавказский комитет в 1872 г. В итоге была принята резолюция, которая гласила, что «при привилегиях, предоставленных откупщикам, не могут иметь место частная предпринимательность и конкуренция. Откупщики не только не заботятся о техническом совершенстве и об открытии новых источников, но даже не изыскивают того количества нефти, которое могли бы дать существующие источники. Считать такую систему на Кавказе ненормальной и вредной» [5].

Это становилось системой. Арендаторы, скупая нефтеносные участки, вообще переставали их разрабатывать. Добившись монопольного владения, они не нуждались в увеличении добычи и получали сверхприбыль за счет неоправданного завышения цены [6: 46].

В феврале 1872 г. Александр II утвердил «Правила о нефтяных промыслах и акцизе с фотогенного производства», по которым за наместником закреплялось право на надзор за частными нефтяными промыслами на Кавказе. Это были существенные полномочия, т.к. в остальной империи нефтяные промыслы были в ведении Министерства финансов и были сосредоточены в Горном департаменте. Но, учитывая кавказскую специфику, император счел необходимым сделать исключение, а потому поиск и добыча нефти в регионе переходила к частным лицам или обществам. Заинтересованные в скорейшем развитии нефтепромыслов российские власти позволяли заниматься этой деятельностью не только собственным подданным независимо от их сословной принадлежности, но и иностранцам [7].

Переход нефтяных источников в руки частного капитала постоянно регулировал Кавказский комитет. С этой целью были приняты «Правила об отдаче в частные руки нефтяных источников», согласно которым нефтяные источники продавались с открытых торгов. В случае приобретения участка владелец вносил задаток, а потом выплачивал всю сумму. На это ему давался срок в два месяца. Если за это время он не рассчитывался с государством, участок вновь изымался в казну. В дальнейшем владелец выплачивал не только оброк за землю, но и платил за нефтяной участок. Последний оценивался в 24 рубля серебром с каждой десятины в течение 24 лет [7: 41].

Государство строго следило за своевременным погашением арендной платы. В случае нарушения взятых на себя обязательств, «в течение 22-месячного льготного срока плательщик зачислялся в недоимку, со времени истечения этого срока – двойная просроченная арендная плата, но без пени, а на неоплаченный участок накладывается запрещение, причем подвергается аресту все, находящееся на том участке. Затем

подвергается продаже имущество – на недоимки, затем участок» [7: 53].

Данные решения не сразу дали ожидаемый эффект. В немалой степени развитие отрасли тормозили косность мышления, отсутствие необходимой инициативы и недостаточное количество средств у предпринимателей, готовых участвовать в подобной деятельности.

Препятствием развитию нефтяной отрасли также служило отсутствие удобных средств доставки, которые могли бы обеспечить вывоз ценного сырья на внутренний и внешний рынки.

Еще одним фактором, тормозившим развитие отрасли, стал указ об акцизе с фотогена, принятый 1 января 1873 г. Это минеральное масло использовалось в ламповом освещении. Согласно принятому постановлению, акциз предполагалось снимать с объема перегонного куба и времени работы. Естественно, что теперь производители в целях экономии начали небрежно очищать керосин, и качество продукции ухудшилось. Убедившись в ошибочности принятого решения, 1 сентября 1877 г. акциз с фотогена было решено снять [8: 215].

Откупная система сохранилась на нефтяных источниках, принадлежащих Терскому казачьему войску. Ежегодно за них получали 13615 рублей, что являлось одной из наиболее выгодных статей дохода [9]. Чтобы заинтересовать откупщиков и убедить их вкладывать деньги в отрасль, сроки аренды продлили первоначально с трех до пяти лет, а потом и до десяти лет [4].

С 1860 по 1865 гг. нефтяные источники находились в управлении кизлярской купчихи Савдигаровой [10]. Она получала на них 20 тысяч ведер нефти. Ей же принадлежал завод по выделке фотонафталя, расположенный в станице Наурской. Но в результате пожара в 1863 г. Савдигарова понесла огромные убытки. Тогда сгорели имущество и запасы нефти, оцениваемые в 17981 руб. серебром. Обанкротившись, купчиха решила отказаться от арендованных участков и выставила их на торги в апреле 1865 г. [11].

Новым владельцем стал Иван Минаевич Мирзоев, получивший право распоряжаться источниками с 15 июня 1865 г. по 15 июня 1875 г. В его руки переходила группа источников – Грозненская, Мамакаевская и Карабулакская. Они занимали около 77000 квадратных саженей [12: 151]. В сутки они давали от 15 до 17 ведер чистой нефти. Стремясь к большей выгоде, Мирзоев увеличил количество колодцев до 85 в 1870 г. Старые колодцы углублялись, укреплялись срубам, оборудовались простейшими подъемными механизмами. Глубина некоторых из них достигала 21 сажени, т.е. почти 45 метров [13: 6]. Труд на этих источниках без преувеличения можно назвать каторжным. Работая по пояс

в нефти, каждую минуту рискуя оказаться под обвалом или погибнуть в результате взрыва газа, рабочие должны были получать воздух для дыхания, накачиваемый мехами через специальные трубы [6: 49]. Работало на источниках в рассматриваемый период не более 40 человек в месяц.

За пуд нефти И.М. Мирзоев платил войску 68 копеек. Сам же он получал от реализации полтора рубля за пуд. Арендаторы получили право реализовывать свою продукцию во всех областных населенных пунктах. Без их разрешения вывоз нефти с промыслов был запрещен.

На основе Грозненской группы источников Мирзоев создал небольшой перегонный завод. На нем был всего один перегонный куб емкостью в 265 ведер, что позволяло получать до 3000 пудов фотогена в год. Один пуд фотогена оценивался в 2 рубля, а иногда и выше [14: 226]. Но уже в 1873 г. в Терской области было два нефтяных и один фотогеновый завод, дававших продукции на 12600 рублей. Трудилось на них 16 человек, что говорит о кустарном характере производства [15: 217].

Предприниматель внимательно следил за сохранением монопольного права на нефтедобычу. Когда в 1866 г. братья Таймазовы, владевшие нефтеносными участками близ селения Брагуны, попытались сдать их в аренду, предприниматель сумел сорвать намечавшуюся сделку [16: 68].

В небольших количествах, как правило, для собственных нужд добывали нефть и горские общества. Так было с Чанты-Аргунской, Истисуйской, Беноевской и Дылымовской нефтяными группами. Попытка арендовать эти участки заканчивалась неудачей. Арендаторы С. Цыблов, И. Завьялов, И. Растамов не сумели оправдать вложенные в промыслы капиталы и поспешили освободиться от них. Поэтому власти не возражали против того, чтобы местные жители вели здесь разработку самостоятельно.

Будущее нефтепромыслов было не за примитивной мануфактурой, основанной на ручном труде, а за современным производством, основанным на машинной технике. И сделать это можно было, лишь соединив усилия государства и частную инициативу, что прекрасно осознавали достаточно компетентные чиновники, входившие в администрацию Кавказского наместничества.

Отсутствие передовых технологий и доступных транспортных средств не позволяли добиваться увеличения количества добываемой нефти. Нефть и нефтепродукты перевозились гужевым транспортом в деревянных 50 и 25 пудовых бочках. К перевозке привлекалось население близлежащих станиц и аулов. Надежды на то, что экстенсивным путем, за счет механического увеличения числа колодцев удастся расширить количество выпускаемого фотогена и петролеума, не оправдались.

Добыча стала падать, что, по мнению З.Х. Ибрагимовой, «было вызвано в первую очередь монопольным владением источниками государством, отсутствием высокотехнологических производств и кредитных банковских средств, путей транспортировки нефти и продуктов ее переработки. В Терской области практически не существовало конкуренции на рынке нефтепродуктов, монополия не способствовала повышению качества фотогена и петролеума, у потребителей нефти и керосина не было большого выбора» [17:316]. Тем не менее, было очевидно, что отрасль в перспективе явится рычагом экономического развития региона, и дальнейшие события подтвердили это.

Таким образом, можно отметить, что трудности нефтедобычи и нефтепереработки в северной части Кавказа во второй половине XIX в., прежде всего, связаны с самой системой регулирования этой сферы местной экономики. Государство, стремясь сохранять контроль над производством и реализацией нефтепродуктов, устанавливало правила, сдерживавшие развитие частной инициативы.

В условиях бюрократического регулирования и в погоне за прибылью владельцы нефтяных колодцев стремились к максимальному снижению затрат, применяя не самую эффективную организацию производственного процесса, часто оставляя без внимания передовые на то время технологии.

Большая часть нефтепромышленников, в существовавшей системе, не только не была заинтересована в технологическом прогрессе, но и добивалась единственно монопольного присутствия на том или ином рынке, заметно суживая численность его возможных участников.

Бюрократически организованной государственной системе также было удобнее иметь дело с небольшим числом доверенных нефтепромышленников, которых можно было контролировать посредством выдачи или изъятия арендных разрешений, в которых бюрократический интерес всегда преобладал над частной выгодой.

Это толкало частную инициативу не на привлечение в производство новых технологических или организационных способов, но единственно на изобретение способов обхода бюрократических препон, что делало следствием полу архаическое состояние отрасли в течение длительного времени.

Большим препятствием развитию нефтяной отрасли было зачаточное состояние нефтяной инфраструктуры, в развитие которой казна почти не вкладывалась, уповая заставить сделать это руками частных инвесторов.

Только промышленный бум, начавшийся в 80-90-е гг. XIX в., за-

ставил перейти к активным преобразовательным усилиям, как государственную администрацию, так и частную инициативу, в поисках путей увеличения эффективности своей деятельности.

Библиографический список

1. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в до-реформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 79. Оп. 2. Д 1115. Л. 4, 5. Подлинник.
3. Материалы по вопросу об обустройстве нефтяного промысла на Кавказе. СПб., 1869.
4. Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844-1881 гг. Пятигорск, 2011.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 125. Л. 7.
6. Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893-1917). Грозный, 1962.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 125. Л. 164.
8. Очерк истории внешней торговли России // Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т. I.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 18. Д. 150-а. Л. 126.
10. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.13. Оп.1. Д.1221.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 330. Оп. 9. Д. 229. Л. 52.
12. Пространство Кавказского края // Кавказский календарь на 1876 год. Тифлис, 1875.
13. Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). М., 1953.
14. Очерк движения частной поземельной собственности на территории Терского казачьего войска // Терский сборник. Владикавказ, 1890. Вып. 1.
15. Нефтяные источники Терской области // Кавказский календарь на 1875 год. Тифлис, 1874.
16. Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX-XX вв. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Ставрополь, 1980.
17. Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. М.: Евразия+, 2002.